

Викторович Н. Переписка Чехова с Книппер // Новое русское слово.
Нью-Йорк, 1944. 16 июля. № 11768. С. 8.

Переписка Чехова с Книппер

Осенью 1898 г. Художественный театр готовил свой первый сезон — «Царя Федора», «Чайки» и другие пьесы. Чехов приехал в Москву, и Немирович-Данченко повел его на репетиции, еще в холодном театре, без электричества. Здесь увидел Чехов впервые свою будущую жену, артистку Ольгу Леонардовну Книппер. От ее игры он был в особенном восторге — «насколько он мог ярко выражать восторг» — прибавляет Немирович в своих воспоминаниях. Все актеры, по свидетельству самой Книппер, «были захвачены необыкновенно тонким обаянием личности Чехова, его простоты, его неумения «сучить», «показывать». Взаимная симпатия, перешедшая скоро в более сильное чувство, родилась между знаменитым писателем и молодой талантливой актрисой с первой же встречи. Но повенчались они не скоро, только летом 1901 года. Всего несколько человек были посвящены в секрет, а огласилась свадьба только на другой день, когда новобрачные уехали и прислали в театр телеграмму. Книппер писала поздравление Чехову из Москвы в Ялту: «Дуся, удивительный муж мой, отгадай, где я сейчас была? Ты поразился — в «Дрездене» (гостиница, где обычно останавливался в Москве Чехов). № 35, «откуда Чехов увез Книппер», как говорит Вишневский (артист Худ. театра). Да, была там, пила чай после «В мечтах» (пьеса Немировича, шедшая в театре). У кого? — У Юмниной (популярная поэтесса и переводчица). Она позвала меня и Вишневого. Я все время вспоминала, как мы там с тобой посиживали, каждое кресло, каждый стул — все близко, знакомо. Вишневский все время дразнил меня, что я «все ходы должна знать в Дрездене — «была, говорит, верю, игра». (Фраза из «Дяди Вани»). Да, Антончик, все вспоминала. Вспоминала, как раз я пришла позднее, чем обещала, и как ты был взволнован. И как мы с тобой перед венчанием топтались по номеру, вспоминала все, что было пережито, переговорено в этих стенах».

Цитируемое письмо напечатано во втором томе «Переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер». Том этот охватывает год — с 28 октября 1901 г. по 10 октября 1902 г. Общее количество писем за это время — 344, цифра очень большая, особенно если принять во внимание, что часть года супруги жили вместе. Эта непрерывная переписка заставляла их до некоторой степени личное общение. Жизнь врозь угнетала обоих и особенно чувствовала это Книппер. Она постоянно мучилась, смеет ли она оставлять Анто-на Павловича в его скучном ялтинском одиночестве, разрыве своей сценической карьеры. «Как сейчас вижу ее фигуру зимой за кулисами перед выходом на сцену, — воспомина-

ет Немирович-Данченко, — сидит в сторонке, избегает с кем-нибудь разговаривать, каждую секунду готовая заплакать. В так называемом «обществе» всех сортов — сплетницы, завистницы, любительницы заниматься чужими делами или истерически увлекаться поклонники таланта Чехова — и мужчины, похожие на таких женщин, создали атмосферу какого-то порицания Книппер».

Хочется быть около тебя. Ругаю себя, что не бросила сцену. Мне больно думать, что ты там один, тоскуешь, скучаешь, а я здесь занята каким-то эфемерным делом вместо того, чтобы отдаваться с головой чувству... «Ты меня в душе вероятно упрекаешь в недостатке любви к тебе. Правда? Упрекаешь за то, что я не бросила театра за то, что я не жена тебе. Воображаю, что думает обо мне твоя мать. И она права, права». На такие самобичевания Чехов отвечал: «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бациллы, а в тебя любовь к искусству». И в другом письме: «Ни разу за все время, пока я женат, я не упрекнул тебя за театр; а напротив, радовался, что ты у дела, что у тебя есть цель, что ты не флотаешься зря, как твой муж». Чехов в этот год очень мало писал, и повторял, радуясь сценическим успехам Ольги Леонардовны: «Если муж ничего не делает, пусть жена валяется за двоих».

Разлуку с женой он переживал очень тяжело, и это особенно видно в письмах, когда приближался приезд Книппер на несколько дней в Ялту, среди сезона или когда, что бывало часто, — эта поездка откладывалась из-за театра. «Я работаю, но не важно. Погода скверная, в комнате холодно, до Москвы далеко и в общем создается такое настроение, при котором писание представляется лишним. Думаешь ли ты, собака, приехать в Ялту на Рождество? Думаешь ли? А я каждый день думаю о том, как ты приедешь, и как мы вместе пожием денюшка три... Ты мне снилась эту ночь, а когда я увижу тебя на самом деле, со всем неизвестно и представляется мне отдаленным. Вель в конце января тебя не пустят. Пьеса Горького, то да се. Такая уж значит моя планка. Ну, не стану тебя огорчать, моя жена хорошая, необыкновенная. Я тебя люблю и буду любить, хотя бы ты даже побил меня палкой. Нового, кроме снега и морозов, ничего нет, все по старому. Обнимаю, целую, ласкаю мою подружку, мою жену; не забывая меня, не забывай, не отныкай. Каплет с крыш, весенний шум. Но взглянешь в окно, там зима. Приснись мне, дуся... «Ты пишешь: не грусти, скоро увидимся. Что это значит? Увидимся, на страстной неделе? Или раньше? Не полнуй меня, моя радость. Ты в декабре писала, что прие-

дешь в январе, взбудорожила меня, взволновала, потом стала писать, что приедешь на Страстной неделе — и я велел своей душе успокоиться, сжаться, а теперь ты опять поднимешь бурю на Черном море. Зачем?»

Этот тон — смесь лирики и юмора не исчезает, даже когда Чехов пишет жене о самых интимных вещах. «Что ты, здоровая и веселая, дуся моя, я очень рад, на моей душе легче. И мне ужасно теперь хочется, чтобы у тебя родился маленький полунемец, который бы развлекал тебя, напоминал твою жизнь. Надо бы, дуся, мой. Как ты думаешь?» Книппер отвечает: «А как мне, Антошка, хочется иметь полунемчика. Отчего я так много прочла в твоей фразе: «полунемец, который бы развлекал тебя, напоминал тем жизнь?». Отчего я так ясно знаю, что ты передумал по этому поводу? Я все, все знаю, что ты думаешь обо мне». «Мне кажется, — пишет Чехов через несколько дней, — что ты бы очень любила полунемчика, любила бы, пожалуй, больше всего на свете, а это именно и нужно».

Свою жизнь в Ялте Чехов сравнивал с тюрьмой. «Одно утешение — твои письма, моя милая девочка... «Я часто о тебе думаю, очень часто, как и подобает мужу. Ты, пока я был с тобой, избаловала меня, и теперь я чувствую себя, как лишенный прав. Около меня пусто, обеды жалкие, даже в телефон никто не звонит... «Ах, актрисуля, моя хорошая! Когда мы увидимся? Мне так скучно без тебя, что я скоро начну караул кричать. Меня ничто в Ялте не интересует, я точно в ссылке, в городе Березове. Мне нужно жить в Москве, около тебя, нужно видеть и наблюдать жизнь, нужно жить в Москве и мечтать там о поездке в Крым, за границу... «Актрисуля, здравствуй! Я уже выздоровел, крови не видеть, только слабость осталась — давно не ел как следует», — пишет Чехов 13 декабря. — «Думаю, что дня через два-три буду здоров совершенно. Принимаю пилюли, капли, порошки. Ты пишешь, что 8 декабря, вечером, была в подлуньи. Ах, дуся, как я тебе завидую, если бы ты знала! Завидую твоей бодрости, свежести, твоему здоровью, настроению, завидую, что тебе не мешают пить никакие соображения насчет кровохаркания и т. п. Я прежде мог выпить, как говорится, здоров».

Книппер постоянно и подробно писала мужу о московской жизни и прежде всего о Художественном театре. Чехов интересовался там всякая мелочь. Эти письма дают картину театра — и на сцене и за кулисами — его волнений, радостей, огорчений. Сезон 1901—1902 года был не очень удачен. Пьеса Гауптмана «Михаэль Крамер», в которой главные роли играли Станиславский и Москвин, не

имела особого успеха. «По моему, — пишет Книппер после премьеры, — публика от-вратительно слушала, кашляла, сморкалась, шевелилась. По моему, публика впервые была хоть немного захвачена только сценой отца с сыном во втором действии. Вызовов было мало, а после третьего, настоятельно требовали Станиславского. Говорят, что после второго он пал «духом». Не долго удержалась в репертуаре и пьеса Немировича «В мечтах», — из московской жизни со сложными, массовыми сценами. У Книппер была там эпизодическая роль экстра-гантной дамы. «Во втором акте, — пишет она после одной из репетиций, — я надела светлый парик, к самому лбу прилепила красный цветок в пышных волосах и надела свое старое желтое балльное платье, чтобы привыкнуть носить декольте. Всем понравилась, Санин все жалел, что ты не видишь меня в желтом платье».

Великим постом 1902 года, театр приехал на гастроли в Петербург. Огромный успех имел: «Доктор Штокман» Ибсена. Станиславский играл главную роль изумительно, и в самой пьесе публика искала намеков на русские злобы дня. «Вчера на Штокмане был полный фурор, — писала Книппер 11 марта. — Константина Сергеевича (Станиславского) качали, публика влезла на сцену, психопатки целовали ему руки».

В эти же гастроли была премьерой пьесы М. Горького «Мещане». Власть боялись демонстраций, особенно ввиду недавнего инцидента с отменой выборов Горького в почетные академики. «Вчера сыграли «Мещан», — писала Книппер 27 марта. — С успехом. Много вызывали, но после третьего и четвертого, сравнительно меньше. Я все тебя вспоминала. Ты ведь говорил, что акт надо кончать отравлением, а то последующие сцены роняют тон. Это верно. И вчера Владимир Иванович (Немирович) говорил, что надо просить Горького переписать к Москве третий акт... Театр был полон полиции, и переодетой, и мундирной. Автора кричали, но только слабо, и только после четвертого акта слышались голоса, просились послать телеграмму, что и было сделано. Ни шума, ни скандала — ничего не было. Играли хорошо, только не я, то есть для других, может, и было хорошо, но я была сильно не в настроении и играла не с легкостью».

Другим событием был спектакль в Эрмитаже, устроенный с благотворительной целью. «Ну, дуся, играли мы вчера царю, — сообщает Книппер Чехову, — и нами остались ужасно довольны. Прислали через Теляковского (директора имп. театров) выражение благодарности. Да и чувствовалось, что нравилось. Были князья и наследник, словом все, и весь двор; блеск был страшный. Театр был бит

ком набит. Государь смеялся и интересовался всем. После последнего акта, стоя, аплодировал два вызова. Играли с нервом, хорошо. На этой сцене все как-то выиграло, и декорации выглядели отлично. Театр очаровательный. Какие уборные, коридоры, фойе артистическое, чистота! Строгости были отчаянные. Когда приехали, спрашивали, как фамилия, по бумагам проверяли, всюду говорили о сыщиках. Знаешь, говорят, наш театральный доктор злешний — сыщик. Повыскакивали все чинуши в мундирах с боготворительными физиономиями, все среди нас толкались и сначала с презрением, а потом, как увидели, как дело идет и как принимают, переменили личики. Устраивала этот спектакль графиня Орлова-Давыдова, приходила нас благодарить. После первого акта трем сестрам подали от нее великолепные букеты. Ольге — красный, Маше — белый, Ирине — желтый, и все с чудесными красными лентами с золотыми надписями. Публика с каждым актом разогревалась. Театральные сферы шипят на нас за то, что мы играли царю. Все мы, конечно, волновались. Вышел очень приятный спектакль. Приятно было играть. Владимир Иванович смотрел вчера третий акт и сказал, что я по новому играю, очень смело — вслух вошла в любовь. Это ведь как ты захотел».

Если в переписке театральные дела занимают очень много места, то о литературе почти нет упоминаний. В январе Книппер сообщает: «Сегодня читал мне свою драму — не пугайся: драматическую сказку в стихах, некий Луначарский. Он не имеет прав жительство в Москве, находится под судом, завтра уезжает в Вологду. Он жил три года за границей, изучал эстетику, философию, и занимался литературой так себе, а теперь серьезно на нее набросился. Читает оригинально, смело, и написана сказка красивым стихом, картинно, сильно. Ты не любишь таких вещей, я знаю». Чехов действительно «таких вещей» и любил. Он отвечал Книппер: «Ты в восторге от пьесы Луначарского, но ведь это пьеса дилетанская, написанная торжественным классическим языком, потому что автор не умеет писать просто из русской жизни. Этот Луначарский кажется давно уже пиши и если порываться, то можешь отыскать у меня его письмо «Осенью» Бунина сделано в свободной, напряженной рукой, во всяком случае купри-овское «В цирке» гораздо выше! «В цирке» — это свободная, наивная, талантливая вещь, при том написанная не сомненно знающим человеком. Ну, да Бог с ними! Что это мы о литературе заговорили?», — спохватывается Чехов. И действительно, с женой, в письмах по крайней мере, он о литературе не говорил.

Н. Викторович.